

№ 46.
ЕЖЕНЕДЪЛЪНО.
1915 г.

1-й экз.
ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

1915
ЦѢНА 10 к.
ПЕТРОГРАДЪ.
ЮЛЬ.

На окраинѣ Константинополя въ дни войны.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2 „ — „
 . 1 мѣс. — 30 .
 Переѣ адреса 25 к.
 Непринятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Такса объявленій:
 За строку нонпа
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. текста . 90 к.
 позади „ . 60 .
 Постоянные заказы по
 соглашенію.

№ 46—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30 = Июль =

ПРОРОЧЕСТВО ВЪКОВЪ.

...И въ эту ночь дремали мирно доли,
 По океанамъ плыли корабли
 И тучи шли громадою тяжелой.
 Слѣпая ночь, какъ нянька, для земли
 Вычитывала сны изъ древнихъ чернокнижій,
 Струился звѣздный, матовый огонь...
 И вышелъ въ эту ночь изъ нѣдръ вселенной рыжій
 Неумолимый, равнодушный конь.
 Не знали люди, но старухи-тѣни,
 Хранящія пророчества вѣковъ,
 Застыли въ даяхъ... Голубыхъ селеній
 Просторъ задернулся покровомъ облаковъ;
 Предчувствуя мучительныя раны,
 Земля вздохнула отъ глухой тоски,
 Заколыхались грозно океаны,
 Въ пустыняхъ вздрогнули пески,
 И вѣтеръ, въ ужасѣ носясь подъ облаками,
 Завылъ, какъ злобный, одичалый пѣсь.
 И всадникъ миръ унесъ,
 Ему обѣщанный вѣками.
 Въ урочный часъ, вновь вспыхнувъ надъ востокомъ,
 Разлился пламенный, стремительный огонь...
 И день насталъ, предсказанный пророкомъ,
 И вышелъ блѣдный конь.

Юрій Zubовскій.

ПРИВИДѢНІЕ.

Разсказъ П. Б.

Роту расквартировали въ деревнѣ, а я рѣшилъ пе-
 реночевать въ замокъ.

Замокъ былъ давно необитаемъ, и про него хо-
 дили дурные слухи. Хозяинъ замка былъ казненъ еще
 въ прошломъ столѣтїи, за какое-то политическое
 преступленіе, а его молодая жена, наслѣдница разо-
 ренныхъ имѣній, вела очень замкнутый образъ жизни
 и умерла въ одной изъ башенъ, покинутая даже при-
 слугой. Замокъ опустѣлъ. Крестьяне расхитили
 «остатки прежней роскоши», разобрали даже изразцо-
 выя печи. И теперь во многихъ крестьянскихъ халу-
 пахъ были изразцы.

Однако, въ башнѣ, гдѣ умерла графиня, оставался
 еще не тронутымъ ея портретъ.

Говорили что-то про лунныя ночи, когда тѣнь
 графини якобы, выходитъ на балконъ, лобуется го-
 лубою плѣсенью на прудѣ и до разсвѣта слушаетъ
 соловьевъ.

Я не могъ отказаться отъ желанія провѣрить эту
 легенду личнымъ опытомъ и къ одиннадцати часамъ
 ночи очутился въ башнѣ.

Башня значительно сохранилась. Стѣны были
 необычайно толсты и, вѣроятно, заключали въ себѣ
 тайники. Дверь на балконъ была разбита, но еще держа-
 лась на одномъ шарнирѣ и оттого грохотала при ка-
 ждомъ порывѣ вѣтра.

Освѣтившись, я замѣтилъ и портретъ графини. Это
 была типичная нѣмочка — голубоглазая и пышная, но
 со странно противорѣчивой складкой между бровей.
 Алая губы, казалось, улыбались, а подъ бровями зрѣла
 смутная угроза...

Очень живо были нарисованы ландыши на груди
 красавицы. И на мгновенье я какъ-бы уловилъ ихъ
 аромат.

Время подходило къ двѣнадцати. Я положилъ око-
 ло себя револьверъ, погасилъ ночникъ и завернулся въ
 походное одѣяло.

Ночь была лунная. Изъ сада доносились какіе-то
 ропоты. Дверь скрипѣла и по стѣнамъ бились летучія
 мыши. Я задремалъ.

Не знаю, сколько прошло времени, часъ или бо-
 лѣе, но, несомнѣнно, была самая глухая ночная пора,
 когда я внезапно проснулся.

Въ башнѣ было изумительно свѣтло. Луна стояла
 надъ самымъ балкономъ: полная, волоокая. А на той
 свѣтовой чертѣ, которою пересѣкался полъ башни отъ
 двери балкона и до моей постели, стояла теперь знако-
 мая мнѣ по портрету фигура владѣлицы замка...

Я не вѣрилъ въ привидѣнія. Но когда я замѣтилъ,
 что на стѣнѣ чернѣетъ только одна пустая рама, я по-
 чувствовалъ себя нѣсколько смущеннымъ. А затѣмъ въ
 душу мою заползла и тревога.

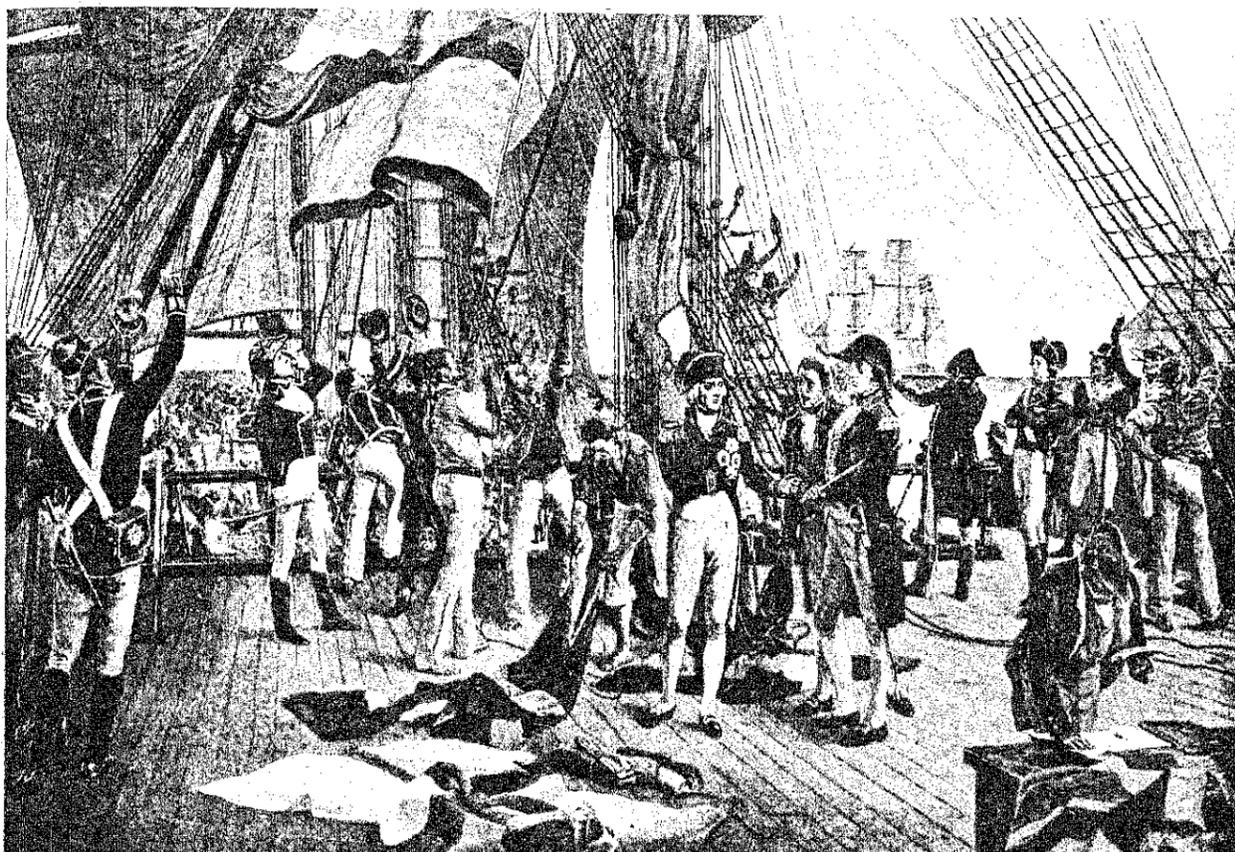
— Что вамъ угодно? — спросилъ я, — голосъ
 мой едва прозвучалъ въ тишинѣ.

Женщина придвинулась, какъ бы поплыла ко
 мнѣ и губы ея затрепетали...

— Я принесла вамъ цвѣты — сказала она. — О,
 это прекрасныя ландыши! Мнѣ прислалъ ихъ мой мужъ
 съ эшафота... Я тотчасъ же призвала художника, и онъ
 увѣковѣчилъ меня вмѣстѣ съ этими цвѣтами. Но вы —
 мой любимый! Я давно васъ ждала и сохранила эти цвѣ-
 ты для васъ. Вотъ посмотрите...

Она отколола цвѣты отъ корсажа и продолжала
 продвигаться ко мнѣ все тѣмъ же беззвучнымъ шагомъ
 привидѣній.

СЛАБНОЕ ПРОШЛОЕ АНГЛИЙСКАГО ФЛОТА.

Адмиралъ Нельсонъ передъ битвой. Картина Т. Давидсонъ.

— Я знала, что вы придете... — говорила она. — Намъ извѣстно, что Габсбурги окончатъ неблагопріятно. Имперія распадается. Но я рѣшила принести свои цвѣты первому изъ побѣдителей, который переступитъ порогъ этой башни. Эти цвѣты приносятъ счастье. Скажите, гдѣ ваши батареи, и я насыщу ихъ ароматомъ этихъ цвѣтовъ... только — мѣстность, и я перекину ихъ обаяніе туда...

Но въ это время, какъ она говорила эти слова, я замѣтилъ, что револьверъ мой уползъ подъ складки ея газа...

Это обстоятельство и озадачило меня и вмѣстѣ съ тѣмъ отрезвило: у меня явились подозрѣнія.

— Но я васъ люблю... — нѣжно продолжала она, — люблю, люблю...

Я рѣзко отодвинулся, карсавица вздрогнула и въ глазахъ ея мелькнулъ испугъ...

— Руки вверхъ! — крикнулъ я.

Въ эту же секунду, дуло револьвера коснулось моей щеки. Но я ужъ рассчиталъ движеніе увернулся, и пуля не коснулась даже моихъ волосъ.

Гулко загремѣло эхо выстрѣла, и оно было услышано внизу.

Тѣмъ временемъ я выбилъ изъ руки «привидѣнія» револьверъ и вцѣпился въ ея шевелюру... Увы, это роскошное руно оказалось только парикомъ! А въ

моихъ рукахъ крутился очень юркій и проворный юноша...

— Ахъ, ты... — раздалось около моего уха, — и мой бравый деньщикъ окончательно растянулъ молодца.

Я поднялся. Неизвѣстнаго связали. И черезъ нѣсколько минутъ онъ обратился въ юнаго нѣмецкаго лейтенанта.

— Фонъ-Шпехтъ, — отрекомендовался онъ на допросѣ.

Онъ былъ очень юнъ, граціозенъ и малъ ростомъ. На лицѣ его еще лежалъ гримъ...

— Кто это васъ научилъ такой симуляціи? — спросилъ я.

Лейтенантъ высокомерно взглянулъ на меня и отвѣтилъ:

— Отечество!

Однако, разговаривать было некогда, да и не о чемъ: фонъ-Шпехтъ оказался шпиономъ.

Послѣ соблюденія обычныхъ формальностей, съ нимъ было поступлено такъ, какъ этого требуютъ законы войны.

Портретъ графини я взялъ себѣ и теперь онъ мнѣ напоминаетъ, чѣмъ окончилась моя первая встрѣча съ «привидѣніемъ»...

Л. Б.

НЕВѢСТА ЖОНГЛЕРА.

Разсказъ Т. Боро.

— Тяжело оставлять тебя; но я долженъ уѣхать. Долгъ сына призываетъ меня къ постели умирающей матери. Богъ дастъ, скоро вернусь къ своей маленькой, и ужъ ничего не разлучитъ насъ. Прощай, моя крошечка, моя невѣста,—шепталъ онъ, обнимая худенькую, миниатюрную дѣвушку съ большими карими глазами на блѣдномъ, почти дѣтскомъ лицѣ.

Она молчала. Холодные руки и частое миганіе вѣкъ выдавали скрытое волненіе.

— Такъ ты ѣдешь завтра утромъ? Не хочешь остаться на мой бенефисъ,—сказала она, какъ-то загадочно и пристально глядя на него.

— Отработаемъ и пойдёмъ къ тебѣ: хочу провести съ тобой послѣдній вечеръ,—добавила она спокойнымъ тономъ.

Рекруты во Франціи въ 19-мъ вѣкѣ.

— Нѣтъ, голубка, при тебѣ я ничего не сдѣлаю, а у меня масса работы. Да и къ чему разстраивать себя? Если разрѣшишь, провожу тебя домой. А теперь пойду переодѣваться, скоро мой выходъ. «Маленькая, ты огорчаешь меня своей холодностью. Откуда она? Ну, скажи же что-нибудь на прощанье,» — добавилъ онъ, уже стоя у двери.

На ея блѣдномъ лицѣ скользнула больная улыбка.

— Что же сказать? Намъ, бродячимъ артистамъ, не нужно любить. За глубокое, свѣтлое чувство часто расплачиваешься жизнью... Ну, поцѣлуй меня въ послѣдній разъ и уйди,—оборвала она свою мысль.

Едва захлопнулась маленькая дверца уборной, душившія ея рыданія вырвались цѣлымъ потокомъ слезъ.

Худенькія плечи задрожали.

Возможно-ли, чтобы эти свѣтлые, добрые глаза лгали? Нѣтъ! это страхъ больного воображенія,—утѣшала себя дѣвушка.

Его странное поведеніе часто казалось ей подозрительнымъ.

А эта внезапная поѣздка убила всѣ сомнѣнія. Дѣвушка вынула изъ-за корсажа свернутый листъ бумаги съ какимъ-то чертежемъ.

Сомнѣнія нѣтъ, это дѣло его рукъ. Сегодня вѣрно возстановливается потерянный планъ.

Много здѣсь, этихъ шпионовъ,—подумала, пряча дорогой документъ.

На лицѣ ея была рѣшимость.

Въ расширенныхъ зрачкахъ свѣтился недобрый огонекъ.

Нельзя терять ни одной минуты. Онъ можетъ уѣхать съ ночнымъ поѣздомъ. Я докажу, что и я достойная дочь отечества, ради котораго готова стереть личную жизнь,—думала она, быстро одѣваясь.

Въ кабинетъ коменданта крѣпости вошла изящно одѣтая дѣвушка.

— Извините за беспокойство въ поздній часъ. Я даже не знаю, къ вамъ-ли мнѣ слѣдовало обратиться.

Дѣвушка волновалась.

— Присядайте пожалуйста. Чѣмъ могу служить.—Сухо обратился къ ней сѣдой полковникъ съ лысиной во всю голову.

Дѣвушка протянула ему чертежъ.

Полковникъ, не торопясь, надѣлъ пенснэ и наклонился надъ развернутымъ листомъ. Глаза его быстро забѣгали по чертежу.

— Это откуда у васъ? Вѣдь это—планъ крѣпости, чертъ возьми! — вскричалъ онъ, вставая со стула.

— Я нашла его вчера послѣ репетиціи у себя въ уборной,—произнесла она.

— Вотъ это мило! Наканунѣ войны съ Австріей, въ цирковой уборной находятъ планъ нашей крѣпости, горячился полковникъ.—Но вы знаете, кто его потерялъ?

— Да. Я имѣю основаніе подозрѣвать нашего жонглера; кромѣ него, ко мнѣ никто не приходилъ. Завтра утромъ онъ уѣзжаетъ къ умирающей матери.

— Гмъ!—буркнулъ себѣ подъ носъ полковникъ.—Ну, а давно у васъ служитъ этотъ молодчикъ и какой онъ національности? — Впрочемъ, это мы скоро выяснимъ,—добавилъ онъ.

— Нѣсколько мѣсяцевъ. Былъ съ нашей труппой въ трехъ городахъ. Говорить, что онъ русско-подданный нѣмецъ изъ прибалтійскаго края,—отвѣтила дѣвушка.

— Ну, прекрасно! Теперь, будьте любезны оставить его адресъ, а мѣры къ аресту будутъ приняты немедленно. Премного обязанъ вамъ за услугу, которая достойна вознагражденія,—сказалъ онъ, вставая и протягивая дѣвушкѣ руку.

Та вспыхнула.

— Благодарю васъ, полковникъ, но я шпионажемъ не занималась. Я—русская и, во имя интересовъ отечества, не пощадила своего жениха, когда узнала, что онъ врагъ Россіи. Вы видите, это сдѣлано не ради вознагражденія.

— Жонглеръ вашъ женихъ? — изумленно спросилъ комендантъ.

— Да! Былъ...

Проѣзжая мимо квартиры жонглера дѣвушка увидѣла въ его окнахъ свѣтъ.

Не спитъ. Вѣрно планы приводить въ порядокъ, — насмѣшливо подумала она.

А на душѣ стало больно и жутко. Она съежилась, какъ отъ холода. Тысяча мыслей копошилось въ головѣ. — Честно-ли я поступила? Не разъ задавала себѣ вопросъ. — Да! Я исполнила долгъ каждого гражданина, — отвѣчала она на свою мысль.

Вѣсть объ арестѣ красавца-жонглера, оказавшагося германскимъ шпиономъ, быстро облетѣла маленькій городъ.

За кулисами велись нескончаемыя разговоры и начались издѣвательства надъ юной дѣвушкой.

Ее не любили за красоту и успѣхъ у публики, которая съ замираніемъ сердца слѣдила за гимнасткой, когда она, подъ самымъ куполомъ, съ легкостью и граціей кошки, исполняла свои изумительные номера.

Циркъ полонъ.

Ждутъ бенефициантку.

Дѣвушка вышла изъ уборной.

— Дорогу невѣстѣ шпиона — командоваль кто-то.

Раздался смѣхъ.

— Смотрите, какъ осунулась.

— Еще-бы! Чай жаль жениха. Шутить не стануть.

Дѣвушка съ холоднымъ спокойствіемъ выслушала насмѣшки. Только прекрасные глаза ея затуманились и больно сжалось сердце.

Публика тепло привѣтствовала бенефициантку.

Она слабо улыбнулась и отвѣтила изящнымъ жестомъ тонкихъ рукъ.

На ней было трико тѣлеснаго цвѣта съ широкой черной повязкой на бедрахъ.

На блѣдномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ безсонной ночи.

Дѣвушка легко вскарабкалась по веревкѣ.

Вотъ она повисла головою внизъ, придерживаясь за трапецію носками ногъ.

Еще одно движеніе, и она раскачивается, стоя на одной ногѣ...

— Невѣста шпиона... звучитъ въ ушахъ.

Вотъ мелькнули свѣтлыя картины близкаго прошлаго.

— Смерть невѣстѣ шпиона, сейчасъ, сію минуту, — произноситъ она свой приговоръ. Тревожно забилося сердце.

Мысли вдругъ смѣшались. Все закружилось, замелькало передъ глазами.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ПОЛЬШИ.

Польскіе гусары въ походѣ.

Какъ сквозь сонъ слышитъ она рыданіе стараго вальса...

Дѣвушка вскочила на обѣ ноги, сильно раскачалась, широко перекрестилась и, спустивъ руки, отделилась отъ трапеціи.

Стонъ ужаса вырвался изъ сотни грудей.

Оборвались звуки стараго вальса. На аренѣ, въ лужѣ крови, съ пробитымъ черепомъ, лежала невѣста жонглера.

Т. Боро.

ВОЙНЫ ВЪ 19-мъ ВѢКѢ.

Съ 1800 по 1895 годъ было всего 29 вполнѣ мирныхъ лѣтъ, а 67 годовъ принадлежать къ числу боевыхъ.

Самыя крупныя и продолжительныя военныя осложненія падаютъ на первыя 15 лѣтъ 19-го столѣтія.

За эти годы на военномъ положеніи находилось все время болѣе двухъ государствъ, а въ 1813 году вся Европа была охвачена пламенемъ войны.

Кто же съ кѣмъ воевалъ?

Австрія воевала съ Франціей шесть разъ, съ Сардиніей (Италіей) три раза, съ Пруссіей и съ Россіей по одному разу, причемъ эту послѣднюю войну въ качествѣ принужденнаго союзника Наполеона I.

Настоящимъ военнымъ сезономъ оказывается весна; это доказываютъ почти всѣ войны 19-го столѣтія; нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ, 1800, 1813 — 14, 1877 — 78 годовъ)

дотянулись до зимы и даже пережили ее.

Нѣсколько войнъ началось лѣтомъ, а осенью — только Крымская кампанія.

Что касается величины армій, то самая большая была выставлена въ 1870 году; за ней уже идетъ по своей величинѣ войско, выставленное союзниками противъ Наполеона въ 1813 году, и армія Наполеона въ предшествовавшемъ году, въ его походѣ на Россію.

Только съ Наполеона ведутъ свое начало громадныя арміи.

Въ 14 случаяхъ побѣдила болѣе сильная, въ 6-ти — болѣе слабая ар-

мя, такъ что численный перевѣсъ является большимъ шансомъ на выигрышъ рѣшительной битвы.

Въ 1813 — 14 г. самому Наполеону пришлось пастъ передъ вдвое болѣе сильнымъ войскомъ.

Только четыре войны, да и то маленькія (вродъ сербско-болгарской), прошли безъ всякихъ союзъ.

Что касается продолжительности войнъ, то мы встрѣчаемся съ нѣ-

сколькими интересными соображеніями.

Дольше всего продолжалась война Англій къ Наполеону: цѣлыхъ 11 лѣтъ.

Всего короче была война Пьемонта съ Австріей, продолжавшаяся всего 6 дней.

Это настоящее *veni, vidi, vici* генерала Радецкаго.

Всего двѣ войны протянулись свыше двухъ лѣтъ, пять — свыше

года, а 15 войнъ продолжались меньше года.

Въ значительной степени успѣхъ войны зависилъ отъ предводителя.

Наполеонъ совершилъ четырнадцать походовъ, и по глубинѣ замысла, сообразительности, быстротѣ и энергіи никто не превзошелъ его ни раньше, ни послѣ.

СИНОПСКІЙ БОЙ.

(Изъ славнаго прошлаго русскаго флота).

Наступилъ 1853 годъ.

Угнетеніе турками христіанъ и желаніе наше облегчить ихъ участь послужили поводомъ къ разрыву.

Начались военныя дѣйствія.

До нашего правительства дошли слухи, что турки посылаютъ въ Черное море значительный отрядъ судовъ, чтобы овладѣть Сухумомъ, провести боевыя припасы для горцевъ и возмутить ихъ противъ Россіи.

Въ сентябрѣ этого-же года Нахимовъ получилъ приказаніе крейсировать съ своей эскадрой между Крымомъ и Анатоліей и стараться настичь непріятеля и истребить.

Два съ половиною мѣсяца держался Нахимовъ съ своей эскадрой въ морѣ, испытывая бури, туманы и даже штормы, сторожа противника, имѣя подъ своей командой пять кораблей.

Въ продолженіи этого времени два корабля получили сильныя поврежденія и должны были идти для исправленія въ Севастополь.

Единственный бывшій при эскадрѣ пароходъ постоянно держался ближе къ южному берегу, дабы не упустить непріятеля.

Готовясь къ рѣшительному бою, Нахимовъ 1 ноября сдѣлалъ эскадрѣ радостный короткій сигналъ: *война объявлена! Отслужить молебствіе и поздравить команду.*

А на слѣдующій день отдалъ за-

мѣчательный приказъ, въ которомъ главными условіями были: драться на близкое разстояніе и оказывать взаимную помощь. «Увѣдомляю господъ командировъ,—заканчивалъ онъ его,—что въ случаѣ встрѣчи

Прощаніе русскаго съ французенкой въ 1814 г. (Рис. К. Верне).

съ непріятелемъ, *превышающимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло.*

Вслѣдъ за этимъ пароходъ при-

шелъ къ эскадрѣ съ извѣстіемъ, что на Синопскомъ рейдѣ, подъ защитою шести береговыхъ батарей, стоитъ отрядъ турецкихъ судовъ изъ 7 фрегатовъ, 3 корветовъ, одного шлюпа и 2 транспортовъ.

Силы Нахимова были слишкомъ слабы, чтобы рассчитывать на вѣрный успѣхъ, но чтобы не выпустить изъ рукъ добычу, онъ подошелъ на видъ Синопа, и когда къ нему подошли еще три корабля и два фрегата, тогда онъ 17 ноября собралъ всѣхъ командировъ судовъ, далъ имъ надлежащія наставленія, а утромъ 18-го числа, при стихнувшемъ вѣтрѣ двинулся къ Синопу, въ половинѣ перваго, по первому выстрѣлу съ турецкаго фрегата, подошелъ къ непріятелю на ружейный выстрѣлъ и, ставъ на якорь, открылъ жесточайшій огонь.

Бой закипѣлъ, — береговыя батареи были сбиты, а суда непріятельскіе взорваны на воздухъ.

Въ пять часовъ все было кончено.

Тридцать судовъ было уничтожено и командиръ эскадры Османъ-паша и два командира фрегатовъ взяты въ плѣнъ, а городъ объятъ былъ пламенемъ и уstraшенные жители бѣжали въ горы!

Щедрыя награды посылались на побѣдителей. Нахимовъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени большого креста при особомъ рескриптѣ отъ Государя.

Вѣсть о блистательной побѣдѣ надъ турками быстро разнеслась по всей Россіи, и имя Павла Степановича Нахимова сдѣлалось народнымъ.

ЯНЪ ЖИЖКА.

(Чешский народный вождь-герой).

Среди полной политической неурядицы в Европѣ и общей распущенности в римско-католической церкви и в общественной жизни, выступилъ Янъ Гусъ, великій проповѣдникъ, возставшій за чистоту ученія Христовой вѣры и за нарушенный обрядъ первобытнаго христіанства.

Въ 1415 году Янъ Гусъ погибъ на костре в Костницѣ (Констанцѣ в Швейцаріи) и весь чешскій народъ поднялся тогда и отстоялъ доблестно и неустрашимо свободу вѣроисповѣданія своей народности.

Это была первая в новомъ европейскомъ мѣрѣ и надо замѣтить «единственная в мѣрѣ славянскомъ революція»,— какъ выразился Гильфердингъ.

Но она имѣла главнымъ предметомъ и главною цѣлью вѣру и ознаменовалась гуситскою войною (1419 — 1434).

Между замѣчательнѣйшими вождями чешскаго народа в это кровавое время выдѣлялся величавый образъ Яна Жижки, возлѣ котораго стояли Николай изъ Гусы, священникъ Прокопъ и другіе славные вожди, съ которыми Чехи побѣдили.

Янъ Жижка происходилъ изъ мелкаго дворянства (земанства) южной Чехіи, у его семейства были незначительныя имѣнія в Троцновѣ и Черевѣ в Будѣшовицкѣ.

Родился онъ около 1360 года близъ Борованъ, в селѣ Тронцовѣ, в домѣ, близъ котораго росъ раскидистый, громадный дубъ (его огромный пень сохранился понынѣ).

Янъ Жижка былъ прирожденный воинъ. Извѣстно, что онъ юношей еще воевалъ в Польшѣ и Литвѣ, участвовалъ в сраженіи при Грюнвальдѣ в 1410 г. противъ рыцарей, утверждаютъ, что онъ воевалъ и противъ турокъ в Венгріи и в одномъ сраженіи былъ раненъ в глазъ и окривѣлъ.

Возвратившись в Чехію в 1419 году, онъ уже является какъ извѣстный и любимый вождь при дворѣ короля Вячеслава в Прагѣ.

Какъ-то разъ король Вячеславъ, видя, что Янъ очень грустенъ, спросилъ о причинѣ его расстройства.

— «Какъ не грустить каждому чеху и какъ не кипѣть его крови, — говорилъ Янъ, — когда чужеземцы унижаютъ все чешское, преслѣдуютъ и притѣсняютъ насъ, называя насъ еретиками и сжигаютъ на кострахъ нашихъ лучшихъ людей, какъ преступниковъ».

Король смутился и спросилъ:

— «Какъ же возможно это поправить? Если это можно поправить, мы очень были бы рады!»

Съ этого полувывсказаннаго дозволенія короля, Жижка съ Николаемъ изъ Гусы стали организовывать движеніе и когда в Прагѣ враги ученія Яна Гусса стали роптать на нерѣшительность короля, Жижка привелъ цѣлый вооруженный отрядъ къ королю в Вышгородѣ.

— «Покажи мнѣ, милостивый король, враговъ твоихъ и мы все готовы за тебя сложить головы!»

Однажды в скорѣ затѣмъ католики бросили изъ оконъ городской ратуши большой камень в гуситскую процессію и ранили одного священника.

Этотъ случай далъ поводъ гуситамъ сдѣлать первое нападеніе на католиковъ.

Тутъ выбросили изъ окна членовъ ратуши и составили изъ выборныхъ новое городское управленіе.

Гуситы заняли быстро всѣ стратегическіе пункты в пражскихъ городахъ. Имъ предводительствовалъ Жижка.

Послѣ смерти Вячеслава, хотѣлъ занять чешскій престолъ его братъ Сигизмундъ, римско-германскій императоръ и король венгерскій.

Иорданка Панкавичарова, македонская Жанна д'Аркъ.

Но чешскій сеймъ предложилъ претенденту невозможныя условія и вновь полилась кровь.

Гуситы бились отчаянно за свою независимость.

Жижка осадилъ Вышеградъ и взялъ его приступомъ.

Тутъ разрушенъ былъ Пильзень и произошла битва подъ Судомѣрцомъ.

Въ это же время (1426 г.) Жижка заложилъ городъ Таборъ.

Войска Жижки дѣйствовали побѣдоносно.

Въ южной Чехіи онъ взялъ города: Воднянъ, Прибѣнице, Бероунъ, Чешскій-Бродъ и др. и, наконецъ, пражскій Королевскій замокъ.

Пражскій архіепископъ Конрадъ перешелъ на сторону гуситовъ. Гуситы и національная партія объявили Сигизмунда на сеймѣ в Чаславѣ недостойнымъ чешской короны и выбрали Жижку главою временнаго правительства.

Послѣ ряда успѣховъ, по взятіи замка Рабы, Жижка пригласилъ къ себѣ въ помощники Прокопа Великаго — онъ и замѣнилъ Жижку послѣ его смерти, которая послѣдовала отъ моровой язвы 12-го октября 1424 г.

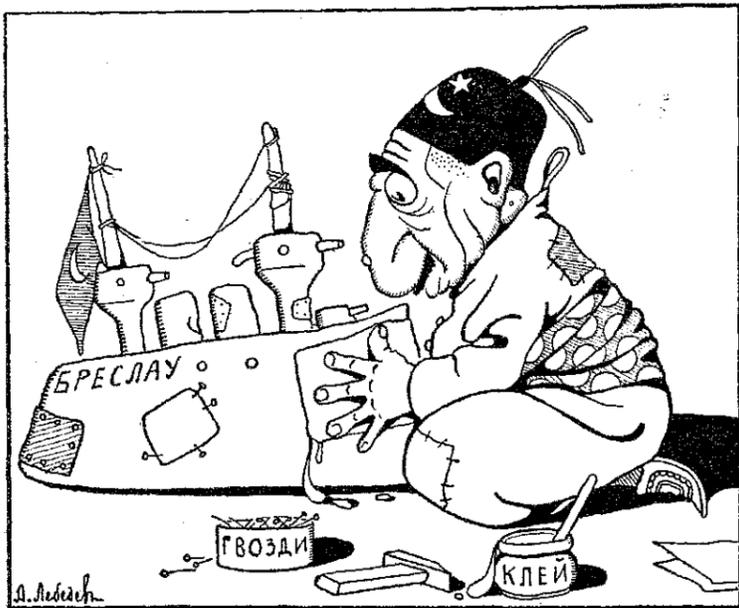
Останки знаменитаго вождя были похоронены в Кралевой-Градцѣ, откуда были перенесены в церковь св. Петра и Павла в Чаславѣ.

Хотя его противники имѣли значительный перевѣсъ в силахъ, но онъ велъ войну неизмѣнно побѣдоносно.

Онъ далъ своимъ войскамъ новое устройство, послужившее основою настоящей организаціи войскъ и тактики. До него войска состояли почти исклю-

Статуя Яна Жижки в Чаславѣ.

ТУРОКЪ. — Я не знаю, чего въ этомъ суднѣ больше — бое- способности или гвоздей и клея?..

чительно изъ тяжелой кавалеріи въ броняхъ, наемныхъ и крѣпостныхъ людей предводимыхъ ихъ господами.

Противъ этихъ войскъ Жижка организовалъ пѣший строй горожанъ и селянъ, изъ коихъ онъ создалъ первую артиллерію.

Но черезъ двѣсти лѣтъ, когда послѣдовалъ разгромъ чешскихъ войскъ близъ Бѣлой-Горы (16-го) и послѣ овладѣнія Чехіи Габсбургами, останки Жижки были вынуты палачемъ изъ могилы и зарыты въ Чаславѣ за городомъ на «мѣстѣ казненныхъ», а также и надписи на его гробницѣ была вполне разбита и искажена.

Жижка имѣетъ еще значеніе, какъ даровитый полководецъ и реформаторъ въ военномъ дѣлѣ.

Противъ всадниковъ онъ ограждался искусно составленнымъ обозомъ, изъ-за котораго успѣшно отражалъ нападенія.

Его артиллерія каменными небольшими ядрами вырывала людей рядами въ строю неприятельскомъ.

Всадники у него также были, но лишь для рекогносцировокъ, фуражировокъ и аванпостовъ.

Со времени Жижки заведено раздѣленіе на «роты» во всѣхъ европейскихъ арміяхъ и приняты разныя усовершенствованія.

На знаменахъ его изображалась красная чаша на черномъ полѣ.

Въ военномъ своемъ гербѣ имѣлъ онъ красную чашу съ тремя лиліями по сторонамъ.

Гербъ его земанской (дворянской) фамиліи былъ треугольный щитъ, имѣвшій изображеніе краснаго рака на бѣломъ полѣ.

КАЙЗЕРЪ. Здоровая пробка у стараго польскаго меда, — который уже штопоръ ломаю, а проку нѣтъ какъ нѣтъ.

Поликовъ онъ любилъ и носилъ иногда польскій костюмъ и въ своемъ письмѣ вызывая христіанъ на защиту правой вѣры, Жижка пишетъ, между прочимъ, что будетъ также защищать чешскій и славянскіе языки.

Главная заслуга Жижки, и, вообще, той великой войны, была та, что онъ очистилъ Чехію отъ враговъ, которые стали уже отнимать у чеховъ, такъ сказать, почву подъ ногами.

Въ народныхъ воспоминаніяхъ Жижка живетъ до сихъ поръ во всѣхъ земляхъ Чехіи, хотя не осталось у него потомковъ и хотя австрійское правительство въ Чехіи уничтожало по возможности воспоминанія объ этомъ народномъ героѣ.

Когда Наполеонъ Бонапартъ, во время итальянскихъ войнъ, случайно узналъ, что въ Италіи существуетъ республика Санъ-Марино, то спросилъ:

— «Сколько въ ней жителей?»

Ему отвѣтили:

— «Пятьсотъ».

— «А сколько войска?»

— «Почти столько же», — сказали ему въ отвѣтъ.

Расщедрившись, будущій императоръ французовъ подарилъ санъ-маринцамъ пушку.

Республика Санъ-Марино или Санъ-Маринъ находится почти въ центрѣ Италіи и занимаетъ пространство въ 62 кв. километра; населеніе ея достигаетъ 9.500 человекъ.

Она отстоитъ на 225 килом. отъ Рима, на 85 — отъ Флоренціи и на 15 — отъ Адриатическаго моря. Начало республики относится къ VI вѣку, и съ тѣхъ поръ это микроскопическое суверенное государство ревниво оберегаетъ свою свободу.

Столица республики лежитъ на горѣ Титанъ, южномъ склонѣ отрога Апеннинскихъ горъ.

Она расположена амфитеатромъ на высотѣ 142 метровъ.

Мѣстопробываніе властей и знати, она насчитываетъ около 3.500 жителей.

Со стороны Адриатическаго моря столица окружена какъ бы стѣною скалы, составляющую ея естественную защиту; крутизна ведущихъ въ Санъ-Маринъ дорогъ всегда служила достаточною гарантіею противъ нападенія враговъ.

Эти же природныя препятствія предохраняють отъ вторженія въ республику новшествъ, оберегая въ неприкосновенномъ видѣ традиціи и нравы былыхъ временъ.

Нельзя того же сказать про гор. Борго-Маджора, лежащій у подножія горы, имѣющей 1.000 человекъ населенія и составляющей какъ бы предмѣстье столицы: онъ является торговымъ центромъ республики; въ немъ периодически устраиваются ярмарки и базары, на которые съѣзжаются не только изъ разныхъ мѣстечекъ республики, но также изъ сосѣднихъ итальянскихъ провинцій.

Для облегченія подъема къ городу Санъ-Маринъ не существуетъ никакихъ усовершенствованныхъ способовъ передвиженія, а желѣзная дорога еще въ проектѣ.

Въ ожиданіи постройки этого 21-го верстнаго рельсоваго пути, который можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ соединитъ гору Титанъ съ сѣтью итальянскихъ желѣзныхъ дорогъ, приходится довольствоваться существующими обыкновенными дорогами.

Самая лучшая дорога, тщательно поддерживаемая — это трактъ отъ гор. Римини, откуда ежедневно въ 2 часа пополудни отправляется дилижансъ, поддерживающій почтовое сообщеніе.

Карета очень изящна и имѣетъ шесть мѣстъ для пассажировъ.

Дорога изъ Римини идетъ все въ гору и лошади бѣгутъ крупною рысью.

На разстояніи двухъ третей пути дорога пересѣкаетъ небольшую рѣчку Мариньяно, черезъ которую перекинута каменный мостъ.

Посреднѣ его виситъ тумба, одна сторона которой украшена гербами прежнихъ папскихъ владѣній (ключи и папская тиара), а другая отмѣчена просто тремя буквами R. S. M. (Республика Санъ-Марино).

Тутъ граница маленькой республики. Этотъ пограничный столбъ иногда бываетъ свидѣтелемъ ареста итальянскихъ дезертировъ, бѣглыхъ преступниковъ и контрабандистовъ.

Республика обязана, согласно заключенному съ Италіею трактату, выдавать укрывшихся на ея территоріи итальянскихъ дезертировъ и уголовныхъ преступниковъ.

Несмотря на то, что у нея не введено таможенныхъ пошлинъ, Санъ-Марино обязана искоренять контрабанду согласно договору, по которому итальянское правительство выплачиваетъ ей за это ежегодно извѣстную сумму, пропорціонально цифрѣ населенія.

Кромѣ того, оно же снабжаетъ ее по собственной цѣнѣ солью и табакомъ, при условіи безусловнаго запрещенія

КН. БЮЛОВЪ: — «Позвольте, Ваш-ство, представить Вамъ посланника дружественной намъ державы!»

разводить послѣдній на собственной землѣ.

Характерна другая подробность, свидѣтельствующая о мирныхъ наклонностяхъ санъ-маринцевъ: каждый итальянскій солдатъ, приходящій въ ихъ предѣлы, обязанъ отдать саблю республиканскому карабинеру, приставленному охранять границу.

Дилижансъ при въѣздѣ въ столицу останавливается передъ старинными воротами, сверху украшенными гербомъ республики; его тотчасъ окружаетъ толпа любопытныхъ, для которыхъ прибытіе дилижанса, въ назначенный часъ, составляетъ маленькое ежедневное событіе въ ихъ однообразно-скучной жизни.

Другіе спѣшатъ сюда, сгорая нетерпѣніемъ скорѣе получить посылки, письма и газеты.

Багажъ разгружается тутъ-же у порога или, въ дурную погоду, подъ сводами арки. Почему-же дилижансъ не въѣзжаетъ внутрь города? Потому, что

городъ представляетъ сплетеніе немногочисленныхъ узкихъ, извилистыхъ и крутыхъ улицъ, часть которыхъ въ буквальномъ смыслѣ слова — лѣстницы.

Санъ-Марино сохранилъ характеръ средне-вѣковаго города, со своими валами, остатками старинныхъ укрѣпленій и съ домами на заборѣ.

Республика имѣетъ относительно сильную армию слѣдующаго состава: милицію, раздѣленную на 9 ротъ, численностью въ 950 нижнихъ чиновъ при 38 офицерахъ, и находящуюся подъ командою генерала; «дворянскую гвардію» (24 солдата и генеральный штабъ), несущую службу почетнаго конвоя «капитановъ-регентовъ» и членовъ совѣта при командирѣ-генералѣ, и отрядъ ветерановъ, несущихъ полицейскую и крѣпостную службы.

Восемь карабинеровъ, набранныхъ въ Италіи, исполняютъ жандармскія обязанности.

За исключеніемъ духовныхъ и должностныхъ лицъ, а равно студен-

ИЗЪ ВОЙНЪ СЪДОЙ ДРЕВНОСТИ.

Продажа плѣнныхъ германцевъ въ рабство.

товъ, всѣ граждане, въ возрастѣ отъ 16-ти до 55-ти лѣтъ, числятся въ рядахъ національной милиціи.

Одна только рота въ 60 человекъ стоитъ подъ ружьемъ для смотровъ и поддержанія порядка на случай, въ подмогу малочисленной жандармеріи.

Милліонеры занимаются военными упражненіями на пространствѣ между городскими воротами и монастыремъ калуциновъ.

Любопытное зрѣлище представляютъ эти смотры, на которыхъ граждане-солдаты въ будни маршируютъ подъ ружьемъ въ форменныхъ кепи и въ обыкновенномъ домашнемъ одѣяннѣ.

Зато въ праздничные дни они одѣ-

ваются въ очень красивую парадную форму: голубой мундиръ съ бѣлымъ воротникомъ и кантами.

У войска прекрасный музыкантскій хоръ, составленный по большей части изъ мирныхъ гражданъ, среди которыхъ нерѣдко можно видѣть почтеннаго купца, играющаго на тромбонѣ, или ученаго профессора, выдѣлывающаго рулады на корнетъ-а-пистонѣ.

Итальянецъ-капельмейстеръ, получающій содержаніе отъ республики, дирижируетъ этими виртуозами-добровольцами.

«Дворянская гвардія» носитъ форму по французскому образцу.

ДРЕВНЕ-РИМСКІЕ ВОЕННЫЕ АНЕКДОТЫ.

Одинъ изъ высшихъ кавалерійскихъ офицеровъ просилъ императора Августа дать ему отставку съ пенсіей.

— Мнѣ не деньги нужны,—прибавилъ онъ,—но я хотѣлъ бы, чтобы всѣ знали, что я эту милость получилъ изъ твоихъ рукъ и что именно потому я и выхожу въ отставку.

— «Отлично, — возразилъ Августъ. — Я тебѣ не запрещаю рассказывать всѣмъ, что ты получаешь отъ меня пенсію».

Аннибалъ Карфагенскій, во время своего пребыванія въ ссылкѣ, при дворѣ Антиоха, издѣвался надъ нимъ самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Однажды царь показывалъ ему построенную на равнинѣ громадную армию, которую приготовилъ для войны съ римлянами.

Войско маневрировало, сверкая на солнцѣ серебромъ и золотомъ своихъ доспѣховъ.

Мелькали колесницы, вооружен-

ныя ножами, слоны съ башнями на спинахъ, отряды всадниковъ на разукрашенныхъ коняхъ.

При видѣ такой многочисленной и прекрасно экипированной армии, царь гордо сказалъ Аннибалу:

— «Какъ ты думаешь, хватитъ всего этого, чтобы посчитаться съ римлянами?»

Тогда карфагенянинъ, смѣясь надъ лѣнностью и трусостью всѣхъ этихъ, съ большими затратами вооруженныхъ солдатъ, сказалъ:

— «Конечно, я думаю, всего этого хватитъ римлянамъ, несмотря на ихъ чрезмѣрную скупость».

Одного ветерана потребовали передъ трибуналь, гдѣ его ждала весьма плачевная участь, но онъ подошелъ въ одномъ публичномъ мѣстѣ къ императору, прося помочь ему.

Августъ тутъ же назначилъ ему защитника, выбравъ его изъ своей свиты и, попросивши какъ слѣдуетъ соблюсти интересы обвиняемаго, на что ветеранъ, собравши всю силу своихъ легкихъ, закричалъ:

— «А я, цезарь, когда тебѣ угрожали въ сраженіи при Акціумѣ, не искалъ кого-нибудь, чтобы замѣстить себя, а самъ пошелъ въ бой за тебя».

Императоръ покраснѣлъ и самъ сталъ защитникомъ ветерана, боясь показаться не только надменнымъ, но еще и неблагодарнымъ.

Планъ римскаго вождя, Фабія Максима, въ походѣ его противъ Аннибала, состоялъ въ томъ, чтобы слѣдовать по пятамъ непріятеля, уклоняясь, однако, отъ битвы, и истощать его силы бесполезными переходами.

Узнавъ, что нѣкоторые изъ офицеровъ смѣялись надъ его распоряженіями, онъ сказалъ:

— «Тотъ, кто боится смѣшного, еще болѣе трусь, чѣмъ тотъ, кто боится непріятеля».

ШТРИХЪ КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ БРИТАНСКИХЪ МОРЯКОВЪ.

«При Гельголандѣ передъ самымъ боемъ, — пишетъ въ письмѣ морской офицеръ, — нашъ юнга явился къ капитану со слѣдующимъ — вы вдумайтесь только — вопросомъ:

— Вы теперь примете ванну, сэръ, или подождете конца сраженія?»

ГОЛУБИ-ШПИОНЫ

Шпионаж приспособляет для своих гнусных цѣлей и голубя, этотъ символъ чистоты и невинности.

Телеграфъ уже сообщилъ, что въ Кіевъ доставлено изъ Галиціи свыше 200 почтовыхъ голубей.

Голуби эти отобраны у галицкихъ «мирныхъ» жителей, которые при посредствѣ ихъ сносились съ Вѣной и другими городами въ цѣляхъ шпионажа.

Роль голубей была раскрыта нашимъ львовскимъ сыскнымъ отдѣленіемъ.

Какую роль играетъ голубиная почта въ настоящее время?

Съ такимъ вопросомъ мы обратились къ одному военному, специалисту по военной голубиной почтѣ.

— Съ появленіемъ новыхъ усовершенствованныхъ способовъ передачи сообщеній, — сказалъ нашъ собесѣдникъ, — нѣкоторые склонны были думать, что роль голубиной почты сыграна. Думалось, что радіо и телефонъ убьютъ голубиную почту.

На дѣлѣ оказалось совсѣмъ не такъ. Какъ ни усовершенствовалась техника, но все-же устройство радиотелеграфа требуетъ извѣстныхъ техническихъ приспособленій, легко могущихъ быть открытыми и являющимися для шпиона неопровержимой уликой.

Иное дѣло — голубь, птица кроткая и мирная. Какъ вы узнаете, что именно данный голубь, въ отличіе отъ прочихъ своихъ родичей, несетъ подъ руководствомъ «мирнаго» жителя свою предательскую службу?

Для голубиной почты пригодны только нѣкоторыя породы английскихъ голубей.

Обычно голуби безошибочно берутъ разстояніе въ 80—100 верстъ, рѣдко больше. Извѣстіе, которое желаютъ переслать съ крылатымъ почтальономъ, вкладывается въ легкую металлическую трубочку (чаще всего алюминиевую) и прикрѣпляется посредствомъ кольца къ лапкѣ

птицы такъ, чтобы не стѣснять ея движеній.

Во время маневровъ неоднократно происходили испытанія военно-почтовыхъ голубей, давашія прекрасные результаты.

Голубиная почта — очень древній способъ сношеній. Еще греческій полководецъ Димитрій Полиоркетъ пользовался голубиной почтой. Во время франко-прусской войны

Канадскій волонтеръ эпохи колониальныхъ войнъ.

1870 г. осажденный Парижъ сносился съ остальной Франціей посредствомъ голубей. Участвовали голуби и въ русско-японской войнѣ.

Генераль Жоффръ — шахматистъ.

Французскій главнокомандующій генераль Жоффръ окруженъ во Франціи ореоломъ славы.

Вокругъ его имени слагаются всевозможныя легенды.

Ему придаютъ много чертъ, въ которыхъ онъ, быть можетъ, и не повиненъ.

Одной изъ немногихъ слабостей генерала Жоффра, какъ гласитъ молва, являются шахматы.

Говорятъ, что генераль Жоффръ очень любитъ эту игру и довольно силенъ въ ней.

Теперь, когда генералу Жоффру приходится распоряжаться судьбой Франціи, — ему не до шахматъ.

Но другая шахматная игра, гдѣ фигурами являются живыя лица, и карта театра военныхъ дѣйствій — служить шахматной доской, поглотила все вниманіе генерала.

Своей любимой родинѣ отдаетъ онъ все свое время, не только днемъ, но и ночью.

Мало спитъ генераль Жоффръ и часто ночью потихоньку, безъ провожатыхъ, отправляется осматривать траншеи.

Въ одну изъ такихъ ночныхъ прогулокъ, генераль наткнулся въ одной изъ траншей на двухъ солдатъ, которые при слабомъ освѣщеніи, съ увлеченіемъ играли въ шахматы.

Въ своемъ увлеченіи игрой, солдаты не замѣтили приближавшагося генерала; они продолжали играть, мѣрно покуривая трубки.

Генерала заинтересовала игра.

Онъ остановился, наклонился надъ траншеей и долго наблюдалъ за игрой солдатъ.

Часто изъ устъ его готовъ былъ уже сорваться совѣтъ; но онъ молчалъ

такъ какъ не хотѣлъ мѣшать играющимъ.

Но когда одинъ изъ солдатъ сдѣлалъ неправильный ходъ, генераль Жоффръ не выдержалъ.

— Переставъ ту пѣшку, — посоветовалъ онъ солдату; — а потомъ ходи съ коня.

Солдаты вздрогнули отъ неожиданности, оглянулись и узнали главнокомандующаго.

Солдатъ поступилъ по совѣту Жоффра; игра продолжалась еще нѣсколько минутъ.

Партію выигралъ генераль Жоффръ.

Английскій военно-морской
анекдотъ.

Объ английскомъ адмиралѣ лордѣ Кларенсѣ Педжетѣ рассказывается цѣлый рядъ анекдотовъ.

Изъ нихъ особенно забавенъ слѣдующій:

«Во время крымской кампаніи лордъ Кларенсъ Педжетъ командовалъ судномъ въ Балтійскомъ флотѣ, высшимъ начальникомъ котораго состоялъ сэръ Чарльзъ Напиръ.

Послѣдній получилъ однажды телеграммы отъ лорда Кларенсона, состоявшаго английскимъ посланникомъ въ Парижѣ и возвращавшаго о побѣдѣ при Альмѣ и ея подробностяхъ.

Сэръ Чарльзъ Напиръ рѣшилъ немедленно сообщить все это сигналами на остальные суда своего флота и вскорѣ лонеты на бортахъ всѣхъ кораблей были направлены на адмиральское судно.

Сообщеніе о побѣдѣ было принято съ живѣйшимъ интересомъ.

Наконецъ, полагая, что сообщеніе исчерпано, на судахъ хотѣли уже оставить лонеты, какъ вдругъ замѣтили, что сигналы продолжаютъ дѣйствовать.

Съ новымъ вниманіемъ стали всѣ опять присматриваться, ожидая какихъ-нибудь дополнительныхъ подробностей.

Но разобранная фраза заключала слѣдующее: «Леди Кларенсъ Педжетъ благополучно разрѣшилась дѣвочкой».

Наступило общее изумленіе, а затѣмъ повальный хохотъ всей эскадры. Лордъ Кларенсъ, состоявшій въ тѣсной дружбѣ съ лордомъ Кларенсономъ, телеграфировалъ эту новость своему другу, не подозревая, что она будетъ торжественно возвѣщена всему флоту, по оплошности солдатъ, завѣдывавшихъ сигналами. Въ честь этого событія маленькая дочь Кларенса была окрещена именемъ Альмы.

ПРАЗДНИКЪ НѢМЕЦКОЙ НАУКИ.

Фельетонисты пытались изобразить изобрѣтеніе нѣмецкими учеными удушливыхъ газовъ, какъ праздникъ нѣмецкой науки. Это могло показаться шаржемъ. Но нижезлѣдующая корреспонденція проф. Вегенера, военного корреспондента «Кельнской Газеты», разбиваетъ на этотъ счетъ всякія сомнѣнія: восторженность профессора Вегенера опережаетъ любой шаржъ.

Онъ описываетъ посѣщеніе британскихъ траншей послѣ того, какъ примѣненіе нѣмцами удушливыхъ газовъ заставило англичанъ очистить ихъ и податься назадъ.

Персидскіе казаки въ Тегеранѣ.

— Мы шли по тому самому пути, по которому газы ползли вечеромъ 22-го іюня. Что можетъ сравниться по мистическому ужасу съ этой расплывчатой зеленоватою стѣной! Казалось, сама почва поднялась и ползетъ, подвигаясь. Казалось, сами траншеи, остававшіяся всѣ эти мѣсяцы неподвижными, вдругъ пришли въ движеніе и поползли впередъ!

Летчики, наблюдавшіе происшедшее сверху, рассказываютъ, что это было за необыкновенное зрѣлище, когда клубы газа настигли неприятельскія траншеи, потомъ поднялись, какъ будто заглянули съ любопытствомъ черезъ край траншеи, и вдругъ опустились, упали въ нихъ, какъ что-то живое.

ИСТОРИЯ РЫЦАРЯ ЛАНВЕРА.

Во время третьяго крестоваго похода (1187 — 1192 гг.) французы подъ предводительствомъ своего короля Филиппа II, въ союзѣ съ англичанами, которыми предводительствовалъ знаменитый Ричардъ Львиное Сердце, осаждали городъ Акру. Осада продолжалась уже пятнадцать мѣсяцевъ, а городъ все не сдавался, и среди крестоносцевъ начали распространяться тревожные слухи о томъ, что городъ снабженъ всѣми припасами, боевыми и пищевыми, въ такомъ изобиліи, что можетъ продержаться еще много лѣтъ; что осада такого мѣста — напрасная трата силъ и человѣческихъ жизней, и что надо бросить ее и вернуться домой.

Вожди крестоносцевъ взвѣсили такое положеніе вещей и порѣшили, что надо непременно и во что бы то стало разузнать — каково дѣйствительное положеніе города, точно ли онъ такъ надежно снабженъ всѣмъ необходимымъ, чтобы выдержать очень долгую осаду.

Но для этого надо было найти человѣка, который бы проникъ въ городъ и все высмотрѣлъ.

Такіе смѣльчаки находились раньше, но сарацины узнавали ихъ, отрубали имъ головы и швыряли эти головы въ станъ крестоносцевъ въ доказательство своей бдительности.

Немудрено, что новыхъ охотниковъ на это опасное согладаіство не находилось.

Однажды къ королю Филиппу явился простой солдатъ, только-что прибывшій изъ Франціи.

Онъ вызвался проникнуть въ Акру и доставить нужныя свѣдѣнія.

Свое имя и происхождение онъ обѣщалъ объявить имъ лишь тогда, когда ему удастся благополучно выполнить свое предпріятіе.

На другой день въ виду города въ лагерь крестоносцевъ были выстроены подмостки для казни; на подмосткахъ установили плаху.

Привели какого-то связаннаго солдата, вывели его на эшафотъ, а вокругъ эшафота разставили широкимъ кругомъ войска.

Сарацины, у которыхъ все это происходило на виду, съ большимъ любопытствомъ слѣдили за казнью.

Палачъ подалъ знакъ своимъ помощникамъ, чтобы тѣ уложили связаннаго преступника на плаху по всѣмъ правиламъ искусства.

Но въ этотъ моментъ осужденный рванулся со всею силою отчаянія; ему удалось перервать свои узы, освободить руки.

Онъ выхватилъ мечъ изъ рукъ палача и бѣшено, размахивая имъ, прочистилъ себѣ дорогу сквозь толпу палачей и воиновъ, пораженныхъ его неожиданнымъ натискомъ, и побѣжалъ къ городу.

За нимъ, конечно, гналась огромная толпа крестоносцевъ, но навстрѣчу имъ изъ города выбѣжала толпа вооруженныхъ сарациновъ, и крестоносцы принуждены были податься передъ непріателемъ, оказавшимся гораздо многочисленнѣе.

Вся эта сцена казни была придумана и ловко выполнена по плану добровольца-лазутчика.

Благодаря этой уловкѣ, онъ проникъ въ Акру.

При первыхъ же разспросахъ онъ объявилъ сарацинамъ, что былъ осужденъ на казнь за оскорбленіе, нанесенное одному изъ начальствующихъ лицъ, и что теперь, спасшись отъ казни, онъ кипитъ жаждою мщенія и готовъ сражаться противъ своихъ.

Ему повѣрили и приняли въ ряды войска, и такимъ путемъ онъ могъ все высмотрѣть и съ точностью разузнать положеніе осажденнаго города.

Черезъ три недѣли, выбравъ темную ночь, онъ удачно бѣжалъ изъ города, вернулся въ лагерь крестоносцевъ и далъ обстоятельный отчетъ обо всемъ, что ему удалось видѣть.

Теперь всѣ слабыя мѣста непріателя были хорошо извѣстны крестоносцамъ; они возобновили нападенія и вели ихъ съ большимъ, чѣмъ прежде, успѣхомъ.

Кромѣ того, они знали, что за-

Наполеонъ на горѣ С-Бернардъ. Картина Деларошъ.

пасы въ городѣ далеко не такъ велики, какъ раньше утверждали, и что ихъ хватить очень не надолго.

И въ самомъ дѣлѣ въ юль 1191 года городъ сдался.

Тогда только таинственный добровольецъ-лазутчикъ согласился, наконецъ, объявить свое имя.

Это былъ французскій дворянинъ и рыцарь Эмишо де-Ланверъ.

Когда-то, въ порывѣ безумнаго гнѣва, онъ убилъ свою жену и за это былъ подвергнутъ изгнанію и отлученію отъ церкви.

Терзаемый угрызениями совѣсти, онъ совершилъ пѣшее странствованіе въ Римъ.

Папа посулилъ ему отпущеніе его тяжкаго грѣха, если онъ окажется какою-нибудь выдающеюся заслугой въ борьбѣ христіанъ съ невѣрными въ Святой Землѣ.

Такимъ подвигомъ и явилась его продѣлка подъ Акрою.

Про рыцаря Ланвера и его подвигъ была сложена поэма, въ которой къ дѣйствительнымъ событіямъ была прибавлена особая романтическая развязка.

Въ этой поэмѣ рыцарь только думаетъ, что онъ убилъ жену, на

самомъ же дѣлѣ онъ ее только тяжело ранилъ.

Ее, раненую, берутъ въ монастырь, и тамъ удается спасти ей жизнь.

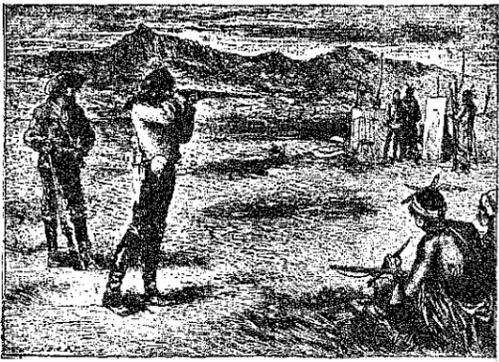
Рыцарь, по возвращеніи изъ крестоваго похода, покрытый славою, успокоенный отпущеніемъ своего грѣха, находитъ свою жену живой, здоровой и цвѣтущей.

Какъ воюютъ въ наши дни въ Африкѣ.

Путешественники изъ Уганды передаютъ, что англійскія операціи въ германской восточной Африкѣ протекаютъ удовлетворительно.

Передаютъ интересныя подробности о способѣ веденія войны.

Былъ случай, когда рота чернокожихъ, подъ предводительствомъ бельгійскаго офицера, встрѣтилась съ другой ротой чернокожихъ подъ предводительствомъ германскаго офицера, между озерами Киву и Танганайка, гдѣ произошелъ,

Изъ войны въ Америкѣ. Разстрѣлъ шпіона.

какъ это бывало въ древнія времена, сабельный поединокъ офицеровъ, причѣмъ солдаты являлись зрителями.

Парируя въ продолженіи нѣкотораго времени удары бельгійца, но чувствуя, что тотъ, очевидно, его побѣдитъ, германецъ внезапно выхватилъ револьверъ.

Бельгіецъ, однако, замѣтилъ это движеніе и въ свою очередь сдѣлалъ то же самое.

Оба офицера выстрѣлили одновременно.

Бельгіецъ получилъ гану въ плѣчо, но германецъ прострѣленный въ сердцѣ, упалъ мертвымъ на мѣстѣ послѣ чего германскія войска сдались въ полномъ составѣ.

ПИСАТЕЛЬ-СОЛДАТЪ.

(Изъ жизни знаменитаго французскаго патріота Поля Деруладъ).

Онъ родился въ родовитой и уважаемой буржуазной семьѣ.

Отецъ его былъ адвокатъ, мать — сестра писателя Эмиля Ожье.

По окончаніи школьнаго образованія, онъ отправился въ Парижъ изучать право и приобрѣлъ извѣстность въ Латинскомъ кварталѣ, такъ какъ, благодаря заботамъ отца, никогда не нуждался въ деньгахъ.

Когда была объявлена война 1870 г., Деруладъ тотчасъ-же записался въ дѣйствующую армію въ Беллевилѣ, а затѣмъ присоединился къ 3-му полку зуавовъ.

Такимъ рѣшеніемъ никто изъ близко его знавшихъ удивленъ не былъ.

Всѣ считали его пылкимъ, воинственнымъ энтузіастомъ.

Кокарда и форма давно уже прельщали Деруладъ.

Стоя на границѣ и раздѣляя солдатскую трапезу, онъ былъ счастливъ и чувствовалъ себя въ своей стихіи.

Между тѣмъ его младшій семнадцатилѣтній братъ, Андре, захотѣлъ слѣдовать за нимъ; тщетно старалась г-жа Деруладъ отговорить его отъ этого намѣренія.

— Довольно, — говорила она, обливаясь слезами, — я уже жертвую однимъ сыномъ.

— Это мой долгъ, — восклицалъ Андре.

— Хорошо, — сказала тогда мать, — я сама отвезу тебя къ Полю. Я буду спокойна, когда онъ покланяется охранять тебя.

Это путешествіе было полно трагизма. Г-жа Деруладъ, больная, съ разбитымъ сердцемъ, съ напускнымъ спокойствіемъ, отправилась по желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Реймсъ со своимъ маленькимъ зуавомъ, болѣе похожимъ на школьника.

Въ Реймсѣ она узнала, что армія Макъ-Магона снялась съ лагеря наканунѣ и двинулась неизвѣстно куда.

Она нашла почтовыхъ лошадей и, благодаря указаніямъ окрестныхъ поселенъ, нашла на слѣдъ 3-го полка зуавовъ.

Она догнала его послѣ 8-ми часовой ходьбы пѣшкомъ, причѣмъ, войска и обозы постоянно преграждали ей путь.

Полкъ расположился на стоянку среди картофельнаго поля.

Г-жа Деруладъ отыскала глазами своего дорогаго Поля, узнавъ его по высокому росту.

Она позвала его дрожащимъ голосомъ, и сынъ, обожавшій мать, бросился въ ея объятія.

Всѣ трое удалились затѣмъ въ гостиницу, находившуюся невдалекѣ отъ дороги.

Послѣ непродолжительнаго разговора, въ которомъ ихъ души слились въ одномъ порывѣ взаимной любви, оба сына, утомленные волненіями и усталостью, какъ маленькія дѣти, уснули, положивъ головы на колѣни чудной матери — картина, достойная кисти талантливаго художника.

Между тѣмъ печальная разлука приближалась.

Раздался звукъ рога; сыновья проснулись; настала пора прощаться.

Г-жа Деруладъ задыхалась отъ волненія и съ большимъ усиліемъ скрывала это.

— Мужайтесь, дѣти!

— Мужайся, мама!

Поль и Андре проводили взглядомъ удаляющуюся карету; бѣлый платокъ, которымъ махала лихорадочная рука ихъ матери, исчезъ на горизонтѣ.

Братья обнялись и молча пошли въ лагерь.

Нѣсколько дней спустя они уже стояли подлѣ Седаномъ и были здѣсь крещены огнемъ.

Пуля прострѣлила грудь Андре.

Поль взвалилъ его себѣ на спину и подлѣ градомъ картечи дотащилъ до перевозочнаго пункта.

Три дня раненый находился между жизнью и смертью.

Наконецъ, рана закрылась и Поль могъ поцѣловать брата, такъ какъ принужденъ былъ отправиться на другой берегъ Рейна вмѣстѣ съ прочими французскими плѣнниками.

Его заключили въ Бреславскую крѣпость.

Командантъ позволилъ заключеннымъ свободно разгуливать по городу, но требовалъ, чтобы они представляли ему свои письма до ихъ отправки.

Онъ когда-то былъ въ Парижѣ, зналъ французскій языкъ и не пропуская ни одной фразы, задѣвавшей нѣмецкую гордость.

Первое-же письмо Поля Деруладъ заставило его нахмурить брови.

— Измѣните вашъ слогъ, иначе вамъ придется перемѣнить квартиру, — сказалъ онъ ему, указывая на тюрьму.

Въ другомъ письмѣ онъ встрѣтилъ слѣдующія строки: «Я глубоко несчастливъ среди этого стада пруссаковъ».

Командантъ призвалъ Деруладъ и съ гнѣвомъ сказалъ ему, что прусскіе солдаты составляютъ войско, а не стадо (une troupe et non un troupeau).

— Мнѣ очень нравится, — отвѣтилъ Поль, — что вы такъ тонко знаете французскую грамматику.

— А, такъ вы вотъ какъ! — возразилъ командантъ. — Хорошо, ступайте въ тюрьму изучать тонкости нѣмецкаго языка.

Поля Деруладъ бросили на сырую солому.

Но онъ былъ очень красивъ собою и во всѣхъ возбуждалъ непреодолимое сочувствіе.

Любовь пришла ему на помощь и выручила его.

Онъ внушилъ глубокую страсть дочери тюремщика, притворился влю-

бленными въ нее и уговорилъ помочь ему бѣжать.

Закутанный въ плащъ польскаго еврея, съ огромными башмаками на ногахъ, нахлобучивъ шапку на глаза и надѣвъ синіе очки съ толстыми стеклами, онъ благополучно бѣжалъ, выбрался изъ Бреславля, пересѣкъ поля и достигъ ближайшей станціи.

Самое трудное было вперед: нужно было переѣхать границу, не возбудивъ подозрѣній.

Поль Дерулэдъ сошелъ на предпоследней станціи и сталъ искать проводника-крестьянина.

Одинъ дровосѣкъ предложилъ ему свои услуги за 20 луидоровъ, но вмѣсто того, чтобы идти по дорогѣ, онъ завелъ его въ глубь лѣса и заявилъ, что если не получитъ сейчасъ-же удвоенной суммы, то выдастъ его властямъ.

Поль схватилъ негодя за горло, крѣпко привязалъ его къ стволу дерева и рѣшилъ положиться на свои силы.

Послѣ суточного блужданія по лѣснымъ дебрямъ, ему удалось достигнуть богемской территоріи.

По желѣзной дорогѣ онъ отправился въ Вѣну, отсюда въ Туринъ, Лионъ и, наконецъ, прибылъ въ Туръ, гдѣ заступило управление національной обороны.

Въ тотъ-же день онъ явился въ бюро военнаго министра и просилъ снова принять его на службу.

Гамбета сразу узналъ его (оба они братались въ цыганскъ на бульварѣ Saint-Michel).

— Зачѣмъ вы пришли сюда? — спросилъ онъ его.

— Предложить еще разъ свою жизнь, — отвѣтилъ Поль. — Не дали ли вы мнѣ порученіе въ Парижъ, гдѣ заперты моя мать и мой полкъ? Я ручаюсь, что войду туда.

Гамбета отказалъ.

— Если вы хотите воевать, — отвѣтилъ онъ, — то ступайте на Луару; тамъ дѣла много. Я назначаю васъ капитаномъ.

Дерулэдъ согласился только на чинъ подпоручика, нашилъ галуны на свой плащъ польскаго еврея и снова бросился въ пылъ битвы.

При Монбельярѣ онъ былъ раненъ и получилъ орденъ; онъ отличался безумной смѣлостью, принималъ участіе въ двадцати стычкахъ и на полѣ битвы получилъ похвалу генерала Бурбаки.

Изъ всѣхъ схватокъ онъ вышелъ только со сломанной рукой, но не его вина, что голова уцѣлѣла у него на плечахъ!..

Почему Поль Дерулэдъ, какъ-бы рожденный военнымъ, избралъ для

Эпизодъ изъ войны 1812 г.

себя другую карьеру по заключеніи мира, это весьма трудно объяснить.

Тѣмъ не менѣе, онъ сложилъ оружіе и взялся за перо.

Въ своихъ разсказахъ о событіяхъ войны онъ проклиналъ побѣдителей и возбуждалъ духъ побѣжденныхъ.

Въ свои пѣсни онъ вливалъ столько искренности и огня, что въ значительной степени способствовалъ пробужденію народнаго самосознанія.

Его маленькая книжка, содержащая много вызывающихъ стиховъ, была какъ-бы продолженіемъ войны и первымъ шагомъ въ дѣлѣ мести.

Эти произведенія молодого писателя всюду во Франціи возбуждали энтузіазмъ.

Поль Дерулэдъ сдѣлался самымъ

любимымъ человекомъ и приобрѣлъ единственную въ своемъ родѣ популярность, не имѣвшую, строго говоря, никакого отношенія къ политическимъ соображеніямъ, болѣе благородную и болѣе чистую: онъ сталъ воплощеніемъ національной гордости...

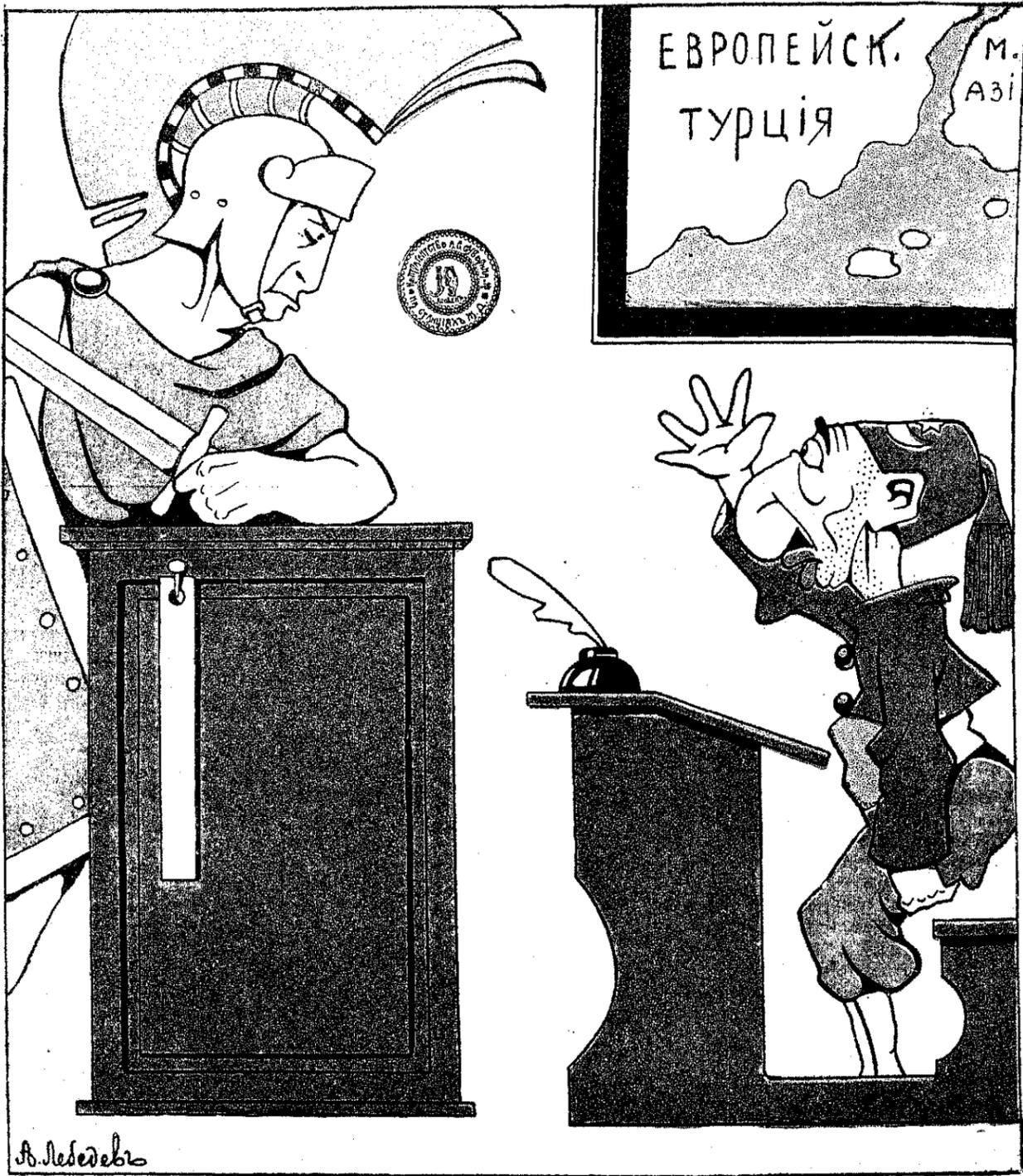

Если солдаты идутъ въ бой сухимъ путемъ, — земля приметъ тѣла убитыхъ. Если они сражаются въ морѣ, — тѣла убитыхъ приметъ океанъ. Съ незапамятныхъ временъ наши воины считались храбрѣйшими изъ храбрыхъ. Человѣческая жизнь продолжается только 50 лѣтъ. Кто пожелалъ бы купить немного жалкихъ годовъ цѣною безчестья? Идите и стрѣляйте, до тѣхъ поръ, пока дыханіе остается въ груди, ибо наши жизни — въ расторженіи нашего Государя и наши тѣла должны быть принесены въ жертву славы страны! Пусть солдаты умираютъ на своихъ передовыхъ постахъ, не думая о ранахъ! Души тѣхъ, которые такимъ образомъ пріяли смерть, сдѣлаются въ теченіе вѣковъ сторожевыми ангелами споконствія Востока. И такъ, впередъ, впередъ, воины! Воины, впередъ!

Наполеонъ на Эльбѣ.
Рѣдчайшій рисунокъ.

ВЪ ШКОЛЬ ВОЙНЫ.

ТУРОКЪ: Г-нъ Марсъ! позвольте выйти!!

„20-й ВЪКЪ“

**ЧИТАЙТЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ
СПЕЦІАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА.**
Военные рассказы, очерки, рисунки, картины,
корреспонденціи и т. д. **== Цѣна 6 коп. ==**